

УДК: 1Ф (575.3)

РАХИМИКАХМИНИ М.Н.¹

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И СВОБОДНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

В данной статье автор рассматривает проблему свободы и свободного существования. Свободный выбор - удел каждого человека. Человек, по Сартру, обречен на свободу. Он выбирает неизбежно даже тогда, когда не хочет выбирать. В поведенческом и нравственном выборе, согласно Сартру, участвует не ясное рефлексивное сознание человека, а некие дорефлексивные пласты его внутреннего мира. Человек совершенно свободен выбирать, но за свой выбор он отвечает полностью. Разумеется, он отвечает за него не перед обществом, не перед высшими силами, которых нет, а только перед самим собой. Он должен знать, что лично расплатиться за всякий свой поступок.

Ключевые слова: свобода, проблема свободы, свободное существование, поступок, поведенческий и нравственный выбор.

Исходным пунктом онтологических размышлений Ж. П. Сартра является убеждение в существовании отличного от человека и несводимого к его мысли мира вещей, с которым, однако, человек настолько неразрывно связан, что его следует определить как бытие в мире. Что же касается сознания, то его Сартр определяет как бытие для себя. Сознание спонтанно, активно, мир вещей инертен. Последний можно определить как бытие в себе. Согласно Сартру, ни одна характеристика для себя не может быть характеристикой в себе. По этой логике, если сознание изменчиво и активно, то вещи, являющиеся объектами сознания («феноменами»), должны быть инертны и неподвижны; если сознание внутренне противоречиво, то вещи должны быть чистой позитивностью, абсолютным тождеством с собою. О мире вещей можно сказать лишь следующее: бытие есть. Бытие есть в себе. Бытие есть то, что оно есть. Сказать что-либо о развитии мира, изменяющихся состояниях мы не можем. Мы улавливаем лишь настоящий, застывший миг» [2, 13].

На вопрос о том, создано ли бытие феноменов и бытие сознания Богом, Сартр дает отрицательный ответ. Гипотеза божественного творения отрицается им как «предрассудок креационизма», что придает его экзистенциализму атеистический характер. Сам Сартр, однако, подчеркивает, что его учение коренным образом отличается от всех известных форм атеизма, причем главное отличие состоит в том, что для него вопрос о существовании или несуществовании Бога остается открытым. «Экзистенциализм», – говорит Сартр, – это не такой атеизм, который тратит все свои силы на то, чтобы доказать, что Бога не существует. Наоборот, он заявляет, что если бы Бог и существовал, это ничего не изменило бы» [2, 14]. Рассматривая вопрос о возможных отношениях Бога к феноменам (вещам), Сартр исходит из отождествления бытия феноменов с чистой объективностью. Именно в силу этой противоположности Бог, даже если он существует, не только не может создать феномены, но не в состоянии иметь представления о них.

¹ Адрес для корреспонденции: Рахимикахмини Мохаммадхасан Нуруллох – соискатель Института философии, политологии и права им. А. Богоуддинова АН Республики Таджикистан. 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр.Рудаки-33. hassanrahimi.P@gmail.com. тел: 2213223. 938-610-760

Как видим, философская концепция Сартра развивается на основе абсолютного противопоставления и взаимоисключения понятий: объективность и субъективность, необходимость и свобода. Источник этих противоречий Сартр усматривает не в конкретном содержании сил социального бытия, а во всеобщих формах этого бытия (вещественные свойства предметов, коллективные и обобществленные формы бытия и сознания людей, индустриализация, техническая оснащенность современной жизни и др.). Свобода индивида как носителя беспокойной субъективности, может быть лишь разжатием бытия, образованием в нем трещины, дыры, ничто. Индивида современного общества Сартр понимает как отчужденное существо, возводя это конкретное состояние в метафизический статус человеческого существования вообще.

Всеобщее значение космического ужаса приобретают у Сартра отчужденные формы человеческого существования, в которых индивидуальность стандартизирована и отрешена от исторической самостоятельности, подчинена массовым, коллективным формам быта, организаций, государства, стихийным экономическим силам, привязана к ним также своим рабским сознанием, где место самостоятельного критического мышления занимают общественно принудительные стандарты и иллюзии, требования общественного мнения и где даже объективный разум науки представляется отделенной от человека и враждебной ему силой. Отчужденный от себя человек, обреченный на неподлинное существование, не в ладу и с вещами природы - они глухи к нему, давят на него своим вязким и солидно-неподвижным присутствием, и среди них может себя чувствовать благополучно устроенным только общество "подонков", человек же испытывает «тошноту». В противовес всяким вообще объективным и опосредованным вещам и отношениям, порождающим индивидуальные производительные силы, Сартр утверждает особые, непосредственные, натуральные и цельные человеческие отношения, от реализации которых зависит подлинное содержание человечности [2, 5].

В мифологизирующем утопическом мышлении Сартра все же на первый план выступает неприятие действительности современного общества и его культуры, присущее современному социальному критицизму. Жить в этом обществе, считает мыслитель, как живет в нем довольное собой сознание, можно лишь отказавшись от себя, от личной подлинности, от решений и выбора. Он предлагает переложить личные решения и выборы на чью-либо анонимную ответственность - на государство, нацию, расу, семью, других людей. Но и этот отказ - ответственный акт личности, ибо человек обладает свободой воли.

Человек объявляется Сартром носителем абсолютной свободы. Однако этот тезис сопровождается столь многими «уточнениями», направленными против анархии, что итогом рассуждений Сартра становится не свобода, а ответственность и вина. Он формулирует «парадокс свободы»: свобода имеется только в ситуации, а ситуация существует только через свободу. Человеческая реальность повсюду встречает сопротивления и препятствия, которые она создала.

Свободный выбор - удел каждого человека. Человек, по Сартру, обречен на свободу. Он выбирает неизбежно даже тогда, когда не хочет выбирать. В поведенческом и нравственном выборе, согласно Сартру, участвует не ясное рефлексивное сознание человека, а некие дорефлексивные пласты его внутреннего мира. Человек выбирает не умом, а целостностью своего «я», и выбор его реализуется в поступке. В работе «Экзистенциализм - это гуманизм» Сартр пишет о некоем молодом человеке, который не знает, пойти ли ему защищать родину от оккупантов или остаться с матерью, для которой он - единственная опора. Он колеблется между ценностями прямого служения близкому человеку и ратным трудом для общего дела, о котором неизвестно, принесет ли этот труд пользу. Сартр подчеркивает, что никакая писаная мораль не может дать здесь ответа. То же христианство призывает нас возлюбить ближнего, но кто в данном случае «ближний» - воины, сражающиеся за освобождение родины, или мать? Конечно, молодой человек может обратиться к кому-нибудь за советом. Например, к священнику. Но ответ он получит в

зависимости от того, к какому священнику пойдет. Если он пойдет к тому священнику, что сражается в рядах Сопротивления, то получит один ответ, а если к священнику-коллаборационисту - то совсем другой. Так что практически, выбирая советчика, выбор он все равно делает сам.

Пока мы не поступаем, (т.е. не разрешаем ситуацию - авт.), мы не знаем, каковы мы на самом деле. Только поведение говорит человеку о его истинных качествах. Даже чувства, на которые пытается сослаться человек при выборе, есть порождение поступка, который мы совершаем. В этом смысле Сартр игнорирует проблему мотивов, внутреннего состояния души. Он считает его несущественным, разделяя прагматическое представление о морали, в соответствии с которым мы судим о человеке по следствиям его дел, а не по его замыслам.

Человек совершенно свободен выбирать, но за свой выбор он отвечает полностью. Разумеется, он отвечает за него не перед обществом, не перед высшими силами, которых нет, а только перед самим собой. Он должен знать, что лично расплатится за всякий свой поступок. Самые низкие люди те, кто считает, что к тому или иному поведению их принудили. Их Сартр презирает.

Способность человека творить самого себя и мир других людей, выбирать образ будущего мира является следствием фундаментальной характеристики человеческого существования - его свободы. Человек - это свобода. Экзистенциалисты подчеркивают, что человек свободен совершенно независимо от реальных возможностей осуществления его целей. Свобода человека сохраняется в любой обстановке и выражается в возможности выбирать, делать выбор. Речь идет не о выборе возможностей для действия, а о выражении своего отношения к данной ситуации. Таким образом, свобода в экзистенциализме - это прежде всего свобода сознания, свобода выбора духовно-нравственной позиции индивида.

Сартр пытается доказать, что фатальная предопределенность человеческого действия отсутствует и что человек способен бороться с препятствиями, преодолевать их. Можно согласиться с Сартром, когда он говорит, что от свободного решения человека зависит, будет ли он подчиняться запретам, установленным немецкими фашистами в оккупированном Париже, или же станет действовать вопреки им. Однако смертельная опасность, связанная с последним решением, свидетельствует, что свобода не сама полагает препятствия для своего действия, а встречает их как объективно данные.

Учет подобных факторов опровергает тезис об абсолютной свободе человека. В какой-то мере это осознается и самим Сартром, что находит отражение в его новом «уточнении», а фактически ограничении понятия свободы: «Формула «быть свободным» не означает «достигать того, чего хотели», но означает «определяться к хотению (выбирать) самому». Другими словами, успех совершенно не важен для свободы». В свете сказанного реальная целеполагающая деятельность человека предполагает четыре значения свободы:

- 1) способность самостоятельно выбирать цели действия;
- 2) действовать ради достижения целей;
- 3) достигать поставленных целей;
- 4) выявление своей воли.

Игнорирование хотя бы одного из названных аспектов ведет к серьезному ограничению или даже отрицанию свободы. Вносимое Сартром «уточнение» понятия свободы, сводящее ее к автономии выбора, замыкает ее рамками сознания, изменением действительности лишь в своих мыслях. Такая свобода не вносит никаких перемен в окружающий мир и не является действительным преодолением ситуации. Но только такое отождествление свободы с автономией выбора позволило Сартру утверждать, что человек всегда свободен и что с точки зрения свободы, для него нет никакой разницы между диаметрально противоположными ситуациями, например: остаться стойким или предать друга и убеждения. Сартр заявлял, что даже в тюрьме человек не утрачивает свободы, что даже пытки не лишают нас свободы.

Мир, согласно Сартру, – это универсальное не то, полное отсутствие чего-либо, соответствующего человеческим ожиданиям, образам, понятиям. Быть реальным – значит оказываться чуждым сознанию, совершенно случайным, а в пределе – абсурдным. Сознание, поскольку оно пытается мыслить мир, от начала и до конца иллюзорно. Между миром и сознанием человека – непреодолимая пропасть. Сознание – живое противоречие, перелив, «декомпрессия бытия», пустота. Но это пустота, наполненная красками и смыслами. Способ существования сознания – неантизация: отрицание всякой определенности извне, всякой детерминации, получается, что у человека нет устойчивого ядра, но есть жажда полноты существования.

Человек свободен сам созидать свою сущность, потому что изначально дан себе только как существование. Он не завершен подобно вещи, и сам делает из себя то, чем является: честного или подлеца, труса или героя. В своем внутреннем мире, полагает Сартр, мы не зависим ни от общества, ни от других людей, ни от моральных и религиозных установлений, ни даже от собственного прошлого. Эта независимость – результат способности сознания все отрицать и освобождаться от всякого внешнего влияния.

Сознание экстаично, оно стремится за пределы любого наличного состояния. Каждый акт выбора происходит «в пустоте», с нуля, как если бы на нас не влияли ни полученное воспитание, ни ценностные установки, ни давление обстоятельств, ни боль, ни угрозы. Неантизации подвергается и всякий внешний, и всякий внутренний результат. Прошлое мертво, оно не определяет настоящего, которое всегда – выбор.

Свобода не есть какое-то бытие, она есть бытие человека, т.е. его ничто бытия. Если бы понимали сначала человека как полноту, было бы абсурдно искать в нём затем психические моменты или области, где он был бы свободен. Человек не может быть то свободным, то рабом – он полностью и всегда свободен, или его нет. В любой ситуации человек может сказать «нет». Эти слова имели особое звучание во Франции сороковых годов, так как были написаны во время фашистской оккупации, а Сартр активно участвовал в движении Сопротивления.

Выход из абсурдного мира, который предлагает человеку Камю, заключается в метафизическом бунте, который полностью взрывает отчужденное бытие и освобождает человека. Сартр также полагает, что подлинное существо человека – свобода. Человек обречен, чтобы быть свободным. Человек не существует как вещь, предмет, человек – это тот, кто постоянно преодолевает самого себя, творит, создает самого себя [3, 36].

Нигилизм: свержение человека в небытие. Одним из известнейших представителей нигилизма является Фридрих Ницше, который в своих произведениях попытался обосновать идеи о необходимости кардинальной переоценки ценностей культуры, философии, религии. Одно из понятий, которые Ницше ввел в философию XX в. и есть понятие «нигилизм». По мнению Ницше, это некое «промежуточное» состояние, он может быть выражением и силы, и слабости человека и общества. В своем внешнем проявлении нигилизм есть следующее: «высшие ценности теряют свою ценность». Как это происходит? Постепенно, говорит Ницше, возникает осознание того, что в мире нет некоей «цели», достижением которой озабочен весь мир, в мире нет «единства», которое до сих пор было основой его спокойствия, «устроенности» в мир, нет «истины». С помощью этих понятий человек полагал себя смыслом и мерой ценности всех вещей, «он создал такое целое, чтобы иметь возможность верить в свою собственную ценность» [1, 40].

Человек создал мир, подтверждающий его собственную значительность, и вот этот мир зашатался. Нет истины, нет морали, нет Бога. Но нигилизм можно истолковывать двояко. Нигилизм «слабых» – это упадок и разложение. Радикальный нигилизм, нигилизм «сильных» – это путь абсолютного авторства – созидания новой морали, нового человека. Необходимо, говорит мыслитель, встать на путь «переоценки ценностей», на путь «иммориализма». Человек, все время хочет «сбыть себя», снять с себя ответственность за совершаемое, возложить ее на мир общего. «Экономия сил»,

«экономия мышления», «самосохранение» - это, считает Ницше, понятия торгашеской морали. Повседневная мораль - лицемерна, это снисходительное отношение к своим и чужим слабостям, это недоверие к человеку. Она основана на сострадании, на потакании человеческим слабостям, на любви к «ближнему». Переоценка ценностей предполагает переход от любви к «ближнему» к любви к «дальному». Любовь к дальнему - это творческая любовь, это не смягчение текущих проявлений зла, а изменение самих принципов жизни. Эта любовь принимает форму борьбы с людьми сегодняшними, любовь сопровождается презрением, отчуждением от ближнего. Это любовь к человеку, каким он может быть.

«Европейский нигилизм» Ницше сводит к некоторым основным постулатам, провозгласить которые с резкостью, без страха и лицемерия считает своим долгом. Эти тезисы: ничто больше не является истинным; Бог умер; нет морали; все позволено. Надо точно понять Ницше - он стремится, по его собственным словам, заниматься не сетованиями и моралистическими пожеланиями, а «описывать грядущее», которое не может не наступить. По его глубочайшему убеждению (которое, к сожалению, никак не опровергнет история заканчивающегося XX в.), нигилизм станет реальностью, по крайней мере, для последующих двух столетий. Европейская культура, продолжает Ницше свое рассуждение, издавна развивается под игом напряжения, которое растет от столетия к столетию, приближая человечество и мир к катастрофе. Себя Ницше объявляет «первым нигилистом Европы», «философом нигилизма и посланцем инстинкта» в том смысле, что он изображает нигилизм как неизбежность, зовет понять его суть. Нигилизм может стать симптомом окончательного упадка воли, направленной против бытия. Это «нигилизм слабых». «Что дурно? - Все, что вытекает из слабости», - писал он в «Антихристе». А «нигилизм сильных» может и должен стать знаком выздоровления, пробуждения новой воли к бытию. Без ложной скромности Ницше заявляет, что по отношению к «знакам упадка и начала» он обладает особым чутьем, большим, чем какой-либо другой человек. Я могу, говорить о себе как философе, который может быть для других людей учителем, ибо знаю оба полюса противоречия жизни; я и есть само это противоречие». А то, что его философия, не понятая эпохой, принадлежит к числу «несвоевременных размышлений», никого не должно смущать, ибо нет ничего более своевременного, чем умение мыслителя преодолеть свое время, диктат его ценностей.

К переоценке ценностей Ницше звал своих читателей уже в ранних работах. Так, «Человеческое, слишком человеческое» он начинает в искренней, исповедальной манере. Ницше рассказывает о своем духовном становлении, о страстном увлечении Вагнером и Шопенгауэром и столь же страстном отказе от их (и других мыслителей) идей и доктрин. А это порождает вопрос, который Ницше обращает к себе и к своим читателям: «Сколько лживости мне еще нужно, чтобы сызнова позволить себе роскошь моей правдивости? В чем же удел мыслителя, отказавшегося от лжи, фальши устаревших, догматизированных воззрений? Стать из-за переоценки ценностей унылым, лишенным чувства юмора философом и морализатором-одиночкой?» Нет, отвечает Ницше. Везде рождаются, хотя и в великих муках и постепенно, «свободные умы» и обновленные души. Они движутся навстречу друг другу. «Какие узы крепче всего? Какие пути почти неразрывны? У людей высокой избранной породы то будут обязанности – благоговение, которое присуще юности, и нежность ко всему, издревле почитаемому и достойному, благодарность почве, из которой они выросли, руке, которая их вела, храму, в котором они научились поклоняться». Но потом приходит тяготение к «великому разрыву», выраженному в виде тревожного вопроса: «Нельзя ли перевернуть все ценности? Может быть, добро есть зло, а Бог - выдумка и ухищрение дьявола? И может быть, в последней основе все ложно? И если мы обмануты, то не мы ли, в силу того же самого, и обманщики?». Намеченная здесь идея переоценки ценностей духовной аристократией нового типа развита в последующих произведениях Ницше. особенно в «Заратустре».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994. С. 40.
2. Сартр Ж. П. Экзистенциалистическая мораль (Ахлоки экзистенционали). С. 13.
3. Сартр Жан Пол. Экзистенциализм/Пер. Мустафа Рахими. Тегеран, 1380. С. 36.

РАХИМИКАХМИНИ М. Н.

МАСОИЛИ ОЗОДИИ ИНСОН

Дар мақолаи мазкур муаллиф масоили озодӣ ва зиндагии озодро инъикос менамояд. Интихоби озод – орзуи ҳар як инсон аст. Ба назари Сартру инсон озодиро намехоҳад. Инсон дар интихоби худ озод аст, аммо барои интихоби худ ӯ масъул аст. Албатта барои интихоби худ одам на дар худи ҷома ва на дар назди худ ҷавобгар аст. Ӯ бояд донанд, ки шахсан худи ӯ барои ҳар як кирдори худ ҷавобгӯ аст.

Калидвожаҳо: озодӣ, масъалаи озодӣ, мавҷудияти озод, амал, рафтор ва интихоби маънавӣ.

РАНИМИКАХМИНИ М.Н.

THE PROBLEM OF FREEDOM OF PERSON AND FREE EXISTENCE

In this article the author considers the problem of freedom and free existence. Free choice is the destiny of every person. Man, according to Sartre, is doomed to freedom. He inevitably chooses even when you do not want to choose. In behavioral and moral choice, according to Sartre, is involved not clear reflective consciousness of man, and some co reflexive layers of his inner world. People are completely free to choose, but his choice he is responsible. Of course, he is responsible for him not to society, not to a higher power, but only to himself. He should know that he will personally pay for any of your deeds.

Key words: freedom, freedom, freedom, act, behavioral, and moral choice.